

*Н. В. Полякова***ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ:
Ж. ДЕ МЕСТР И Ф. И. ТЮТЧЕВ**

В статье определяется специфика политико-философской концепции революции в рамках консервативного дискурса, которая анализируется посредством сравнительного анализа наследия представителей национальных традиций политической философии — французской и российской. Отмечается, что существенной точкой соприкосновения двух мыслителей — известного французского идеолога консерватизма Ж. де Местра и великого русского поэта и политического публициста Ф. И. Тютчева — стало политико-философское осмысление понятия «революция». Автор делает вывод о том, что существует преемственность традиций политической философии Ж. де Местра в тютчевском концептуальном оформлении «антиреволюционного» дискурса. Библиогр. 26 назв.

Ключевые слова: национальные традиции политической философии, консерватизм, идеология, революция, Ж. де Местр, Ф. И. Тютчев.

*N. V. Poliakova***A POLITICAL-PHILOSOPHICAL CONCEPTUALISATION OF REVOLUTION:
J. DE MAISTRE AND F. I. TYUTCHEV**

The article identifies the features of the political-philosophical concept of the revolution within conservative discourse as analyzed through comparative analysis of the heritage of the representatives of the national traditions of political philosophy: French and Russian. It is noted that the significant point of contact between two thinkers — the famous French ideologist of conservatism, J. de Maistre, and a great Russian poet and political writer, F. I. Tyutchev, emerged as a political-philosophical understanding of the concept of “revolution”. The author concludes that there is a continuity of de Maistre’s views in the traditions of political philosophy within the conceptual design of “anti-revolutionary” discourse. Refs 26.

Keywords: national tradition of political philosophy, conservatism, ideology, revolution, J. de Maistre, F. I. Tyutchev.

Политико-философское осмысление концепта «революция» началось уже в ходе событий Французской революции 1789 г., а затем на протяжении XIX в. постепенно разрослось в целое интеллектуальное направление, в котором, зачастую даже без привязки к конкретным социально-экономическим и политическим событиям, были задействованы как апологеты, так и критики революционных событий и их последствий. При этом оформление этого направления происходило на пересечении различных национальных традиций политической философии, что позволяло формировать пространство не только научного, но и политико-идеологического дискурса, в рамках которого конструировались и развивались различные концепты и понятия, не утратившие влияния и до настоящего времени (см.: [1]).

В этом контексте интересно проследить взаимодействие наиболее близких к революционным практикам традиций — французской и российской — на при-

---

Полякова Наталья Валерьевна — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; belnata70@yandex.ru

Poliakova Natalia V. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; belnata70@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

мере авторов, внесших существенный вклад в развитие данного интеллектуального проекта. Действительно, исходным моментом и наиболее существенной точкой соприкосновения двух мыслителей — известного французского идеолога консерватизма Ж. де Местра и великого русского поэта и политического публициста Ф. И. Тютчева — стало политико-философское осмысление понятия «революция». Будучи для местровской мысли в некотором роде ключевым, приоритетным, это понятие перешло на таких же основаниях и в политико-философскую концепцию Ф. И. Тютчева.

Тютчева привлекло в рассуждениях Ж. де Местра о революции его неординарное, свободное от всякого рода предвзятости и мелочной озлобленности отношение к этому событию, поставившее в свое время французского мыслителя в особое положение среди противников Французской революции 1789 г. Предприняв попытку выяснить политическое и нравственное значение этого социального явления, де Местр увидел в нем то, что не смогло понять большинство его соратников по контрреволюционному лагерю: любая революция — это не отдельное событие или даже их цепь, а начало новой эпохи. Как отмечал известный британский философ И. Берлин, Ж. де Местр ясно осознавал, что «живет в то время, когда завершается и уходит прочь огромная эпоха человеческой цивилизации» [2, с. 293]. Почувствовав и отразив мистические, глубинные основы происходивших изменений, масштабность этих событий, он вместе с тем стремился проследить их исторические корни и основные тенденции развития. В этом смысле де Местра можно считать предтечей социологической концепции революции, основатель которой, французский мыслитель А. де Токвиль, впоследствии утверждал в своей известной работе «Старый порядок и революция»: «Менее всего Революция была явлением случайным. Она застала мир врасплох, это верно, но, тем не менее, она явилась лишь продолжением более долгой работы, внезапным и насильственным окончанием творения, над которым трудились десять поколений» [3, с. 29]. В своих «Размышлениях о Франции» Ж. де Местр создал яркий эскиз полотна громадного социального процесса, который только начинал разворачиваться в тот период, заложив тем самым основы политико-философской концепции революции.

Ф. И. Тютчев, являвшийся очевидцем дальнейшего победоносного шествия революций по Европе в XIX в., не только по достоинству оценил все эти идеи, высказанные Ж. де Местром на рубеже XVIII–XIX вв., но логически развил их в своих политических статьях и письмах применительно к новым историческим условиям. Подобно де Местру, он рассматривал понятие «революция» в широком культурно-историческом и социальном контексте. В целом интерес Тютчева к революциям его времени изначально носил не узко прикладной, а в большей степени политико-философский характер и был направлен на выяснение онтологической сути происходивших событий, что позволяло увидеть нечто общее во всем их многообразии. Он четко проводил различие между революцией как социально-политическим явлением и революцией как политико-философским концептом, под которым подразумевал идею, возведенную человеческим разумом в политическое право, в принцип, в определяющий фактор общественного развития, даже в объект религиозного культа, всегда употребляя это понятие в своих произведениях с заглавной буквы. «Революция, если рассматривать ее с точки зрения самого ее существенного, самого первичного принципа, есть чистейший продукт, последнее слово, высшее

выражение того, что вот уже три века принято называть цивилизацией Запада. Это современная мысль, во всей своей целостности, со времени разрыва ее с Церковью», — писал он во введении к своему трактату «Россия и Запад», следуя той традиции, которую наметил в своих произведениях Ж. де Местр, выстроивший в свое время логическую цепочку «Реформация–Просвещение–Революция» [4, с. 206].

Согласно Тютчеву, революция, ее идеология — результат почти трехвекового этапа развития западноевропейской цивилизации, начиная с XVI в., основным содержанием которого стала борьба за право человеческого разума на всестороннюю независимость в области религии, морали, политики и т. д. Русский поэт и мыслитель полагал, что революционный дух является «болезнью, пожирающей Запад» и неизбежно приведет западноевропейскую цивилизацию к необратимым для нее социально-политическим и духовным последствиям [4, с. 205]. Еще в 1830 г., по свидетельству очевидцев, он предсказывал последовательный ряд революционных преобразований и неминуемое наступление революционной эры для всей Европы [5, с. 65].

Что же является, по мнению Тютчева, тем изначальным принципом, который стал за последние десятилетия символом веры для цивилизации Запада, а следовательно, и для революционной мысли в частности? С точки зрения автора трактата «Россия и Запад», как в свое время и для де Местра, этим символом веры выступает «апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова»: «Революция, до бесконечности разнообразная в своих степенях и своих проявлениях, едина и тождественна в своем принципе, а из этого-то принципа... и вышла вся нынешняя цивилизация Запада» [4, с. 206–207]. Мыслитель был уверен, что этот болезненно преувеличенный «принцип личности», ставший преобладающим аккордом в западноевропейском сознании, буквально поразил все сферы жизни этого общества и оказался первопричиной и движущей силой всех социально-политических потрясений, происходивших в Европе в XIX в. [6, с. 763].

Но, подобно своему французскому предшественнику, Тютчев полагал, что особо отрицательные последствия эта «воля, возведенная в нечто абсолютное и господствующее, в высший и безусловный закон», вызывает в области политических отношений [7, с. 278]. Его страшит «самовластье человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом», наглядной демонстрацией чего и явилась Французская революция 1789 г. и последовавшие за ней европейские революции [8, с. 54]. Поэтому он так заостряет и стремится по-своему решить столь трудную для политической теории проблему взаимоотношений личности и власти в обществе. Хотя в данном случае, в полном согласии с идеями де Местра, Тютчев ставил своей целью защитить именно принцип власти от ненавистного ему индивидуализма, от которого исходит, по его глубокому убеждению, «повсеместное отрицание власти, в каком бы то виде не было», поскольку «для личного произвола нет другого зла, кроме Власти, воплощающей какой-либо принцип, отделяющей его...» (цит. по: [6, с. 763]).

Но для него речь шла прежде всего не о правительственной власти как таковой в ее различных проявлениях, а о тех основаниях, которые делают любое правительство законным, а в силу этого неприкосновенным в глазах остальной части общества. Будучи уверен, что власть в обществе должна находить опору в чем-то более высшем, чем воля отдельного человека или группы людей, мыслитель не мог

принять и согласиться с тем тезисом, который отстаивала современная ему западная мысль: «Всякая власть исходит от человека; все, провозглашающее себя выше человека, — либо иллюзия, либо обман» [4, с. 206]. Для Тютчева, так же как в свое время и для Ж. де Местра, защита принципа власти от его искажения революционной идеологией сводилась, по существу, к вопросу о правомерности применения рациональных методов в области политики (см.: [9]). Как и его предшественник, русский мыслитель, не отказывая разуму в этой области в праве и способности действовать эффективно в определенных пределах, полагал, что это право необходимым образом должно рассматриваться в божественной или, что для него то же самое, в исторической перспективе. И для де Местра, и для Тютчева Французская революция 1789 г. и последовавший за ней ряд европейских революций, являясь результатом безрассудного применения рациональных методов в политике, наглядно продемонстрировали свой разрушительный характер и несостоятельность в области сохранения и созидания чего-либо: «Должно быть, есть действительное сродство между утопией и Революцией, ибо, как только последняя на мгновение изменяет своим привычкам и вместо разрушения берется создавать, она всякий раз неизбежно впадает в утопию» [10, с. 73]. Подобно тому как де Местр в своих работах призывал отказаться от обращения в области политики к очевидному, которое зачастую скрывает суть вещей, и использовать исторический метод, Тютчев также настаивал на несовпадении реального политического мира, мира фактов и исторической реальности, с миром очевидностей, в котором «революционное общественное мнение, вооруженное периодической печатью, видит и прибежище, и реальность», иллюзорно полагая, что можно осуществлять успешную практическую политику в этом подобии реальности, не считаясь с национальной и исторической традициями [4, с. 208].

По его мнению, политика, лишенная поддержки традиции, не может быть долговременной и перспективной. Не имея реальных и законных с исторической точки зрения оснований, она порождает и постоянно поддерживает своими действиями в обществе состояние политической нестабильности и хаоса, практикует варварски безнравственные методы для достижения своих целей, превращаясь в политику крайностей и личного интереса отдельных лиц, групп общества, а иногда и целых политических сообществ. «Отдельный человек, который поступал бы так, как это делают теперь правительства и целые общества, был бы, конечно, заподозрен в сумасшествии и взят под опеку», — писал он в июле 1855 г. своей жене, выражая надежду, что политика, основанная на абсолютизме человеческой воли и разума, должна в конечном итоге потерпеть поражение и заставить представителей современной западноевропейской элиты пересмотреть свои мировоззренческие принципы и методологические установки [11, с. 229–230].

То новое, что внесла, по мнению Ф. И. Тютчева, революция в мир политики, — это учение о верховной власти народа, которая представляет в конечном итоге не что иное, как все то же «господство человеческого я, многократно умноженного, то есть опирающегося на силу» [10, с. 68]. По его глубокому убеждению, декларируемое этим политическим режимом представительное правление является на деле лишь фикцией, поскольку «то, что новые установления до сих пор носили название представительных, отнюдь не является — что бы нам о том ни говорили — реальным обществом, обществом со свойственными ему интересами и верованиями,

а чем-то абстрактным и революционным, называемым публикой, представляющим мнения и ничего больше» [4, с. 209]. В данном случае русский мыслитель, как в свое время и де Местр, строит свою критику демократического режима на выявлении того противоречия, которое существует, по его мнению, между декларацией демократического принципа власти как власти общенародной и его реальным проявлением в институте представительной демократии, где у власти находится политическая элита — «меньшинство западного общества», порвавшее с историческими традициями. Политика, приверженная главному принципу этого учения и оперирующая в своих действиях не качественными, а количественными характеристиками, вынуждена создавать такие политические институты, которые представляют собой «боевые орудия, превосходно приспособленные для соответствующего употребления», т. е. для защиты и укрепления индивидуалистических позиций в политической практике [10, с. 68]. В целом же в тютчевском подходе к оценке демократического режима явно присутствуют не только основные мотивы, но даже интонации местровских рассуждений по этому поводу, согласно которым «революционное народовластие есть не что иное, как опрокинутая монархия, это толпа, сидящая на троне и передающая управление страны своим любимцам» (цит. по: [12, с. 220]).

В рассуждениях русского публициста о внутрироссийских политических проблемах, которые он строил с учетом общих постулатов своей политико-философской системы, также прослеживается немалое влияние традиций местровской мысли. В свое время де Местр в своих работах по российской тематике неоднократно утверждал, что у России существует особая провиденциальная миссия, которая заключается в ее способности противостоять наступавшей с Запада Революции не столько посредством материальных побед, сколько посредством ее нравственно-духовного превосходства [13, р. 475]. В своих работах, представлявших собой результат его размышлений о путях и способах сохранения в России политической стабильности и дальнейшего укрепления самодержавной власти как естественного союзника в борьбе с западноевропейской революцией, французский мыслитель постоянно подчеркивал всю важность правильного использования в области политической практики принципов нравственно-религиозного характера, «нематериальных» методов решения политических проблем. Он призывал российскую властвующую элиту в этих целях искать для себя опору в национальных традициях и в союзе с церковью, как православной, так и католической [14, р. 320, 344].

В размышлениях о российских внутриполитических проблемах Тютчев следовал в русле этой традиции, намеченной де Местром: стремился противопоставить западноевропейской политической практике, в основу которой заложен принцип индивидуализма, политику иного качества, стержнем которой являлись бы православные ценности и российские национальные традиции. Так, самодержавие трактовалось Тютчевым с исторической точки зрения как живое порождение самой народной жизни, служащее осознанным выражением воли народа, что и придавало его природе, по мнению мыслителя, нравственный характер: «Русское самодержавие как принцип принадлежит, бесспорно, нам, только в нашей почве оно может корениться, вне русской почвы оно просто немыслимо...» [15, с. 279]. Поэтому он был уверен, что в конечном итоге абсолютизм человеческого «я», воплощенный в материальной и атеистической в своей основе западноевропейской политике,

должен будет выступить против «абсолютизма русского, имеющего нравственную природу» (цит. по: [16, с. 245]).

Первоначально ему представлялось, что прообразом такого рода «нравственной» политики может выступать непосредственно сама российская политическая практика, но с течением времени мыслитель под воздействием хода реальных событий все более убеждается в ошибочности своих предположений. В итоге его рассуждения о «нравственной» политике выливаются в форму политико-исторического идеала, в соотношении с которым оцениваются перспективность и историческая оправданность тех или иных политических действий. Постоянно отстаивая незыблемость самого принципа самодержавия, в своих публицистических работах и письмах Тютчев всегда выступал непримиримым критиком «верхов» российского общества, непосредственно ответственных за формирование политики государства, полагая, что такая критика должна пойти на пользу самой самодержавной власти. Будучи уверенным в полном несоответствии между «чиновничьей», административной политикой и теми принципами, которые, по его мнению, были изначально заложены в основание монархического строя, он ставил вопрос вполне прямолинейно: «...кто одолеет в представителе этой верховной власти: русский ли царь или петербургские чиновники?» [15, с. 279]. И вопрос этот для него был неслучаен, поскольку в данном случае речь шла не о каких-либо тактических приемах, а о выработке стратегической линии российской политики на многие десятилетия и даже об исходе противостояния между Россией и западноевропейской революцией, ее материальным врагом, «который грозит не ее душе, но ее существованию и который... хочет разрушения, как некогда хотел Наполеон» [7, с. 264–265]. Самодержавная власть, очищенная от административной, чиновничьей опеки и ставшая на позиции национальных потребностей и интересов, казалась Тютчеву единственно возможной и перспективной во всех отношениях формой государственной власти для России. Будучи, как и де Местр, поборником монархического принципа, он вместе с тем предъявлял к монархии довольно строгие требования и сосредоточил все свои усилия на том, чтобы посредством личных контактов с представителями власти и материалов печатных изданий заставить российское правительство максимально приблизить свои действия к параметрам построенной им идеальной конструкции «нравственной» политики, беспощадно критикуя российские «верхи» за любые отступления на этом пути.

Мыслителя тревожила опасная для монархии тенденция, состоящая в том, что «чувство преданности династии, без которого нет монархии, повсюду слабеет, и если порою происходят обратные проявления, то это лишь всплеск в общем течении» (цит. по: [5, с. 163]). Ж. де Местр еще в царствование Александра I, в период своего пребывания в Санкт-Петербурге, отмечал набиравшую в России силу тенденцию к тому, что «царский ореол» исчезает в стране, которая всего менее может без него обойтись [17, с. 78]. Но Тютчев был настроен все-таки оптимистично в этом отношении и полагал, что «династический принцип имеет будущее», но «при условии *sin qua non*, что династия все более и более проникнется национальным духом, ибо вне этого, вне энергического и сознательного национального духа, русское самодержавие — бессмыслица» (цит. по: [5, с. 163]). Поэтому проблема формирования и укрепления национального самосознания российской политической элиты приобрела в глазах мыслителя первостепенную важность, ведь речь шла об

«уязвимости самого принципа» — принципа самодержавия. «Клика, находящаяся сейчас у власти, проявляет деятельность положительно *антидинастическую*. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она не только потеряет популярность, но и приобретет *антирусский* характер», — писал он в письме своей дочери А. Ф. Аксаковой, высказывая свои обвинения прежде всего в адрес представителей правительственной, «чиновничьей» России, отличающейся, по его мнению, не только скудостью понимания национальных интересов, но и в целом отсутствием чувства национального достоинства и уважения к своей стране, ее народу и традициям [18, с. 356]. Его уже не удивляет «самодовольство официальной России», которая утратила смысл и чувство своей исторической традиции, а скорее страшит, что подобное состояние дел в российских верхах наносит существенный урон внешнеполитическому авторитету России как крупнейшей мировой державы со своими интересами и целями: «...если оно (правительство. — Н. П.) перестает быть представителем и воплощением национальных интересов страны, если оно осуществляет лишь политику личного тщеславия, — то оно никогда не заслужит за рубежом ни благодарности, ни даже уважения... Им будут пользоваться в своих выгодах...» [19, с. 324].

Таким образом, вопреки своим первоначальным надеждам на существование реальной возможности максимально приблизить характеристики российского политического бытия к его идеальной конструкции «нравственной» политики, Тютчев был все-таки вынужден признать, что власть в России, «такая, какую ее образовало ее собственное прошедшее своим полным разрывом со страной и ее историческим прошлым», является фактически «безбожной» и вынужденной вследствие этого прибегать лишь к материальной силе [20, с. 260]. В своих публицистических выступлениях и письмах Тютчев постоянно обращался к примерам подобной политики, полагая, что применение репрессивных мер материального воздействия, ставшее принципом для правительства во всех сферах жизни, в том числе и в интеллектуальной области, наносит непоправимый вред всему общественному организму, а следовательно, и самой правительственной власти. Для Тютчева, как в свое время и для де Местра, власть, лишенная нравственного авторитета и опирающаяся только лишь на материальную силу, представляет собой с политико-философской точки зрения крайность, которая в области практической политики не может иметь каких-либо прочных перспектив: «Любая власть, которая за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, тем самым превращается в самого ужасного пособника Отрицания и Революционного ниспровержения, но она начинает осознавать это лишь тогда, когда зло уже непоправимо» [21, с. 406].

В одном из своих писем, адресованных дочери А. Ф. Аксаковой, он задает вопрос в отношении будущего России, звучащий поистине «по-гамлетовски»: «Одним словом, что может противопоставить революционному материализму весь этот пошлый правительственный материализм?» [22, с. 398]. Для самого Ф. И. Тютчева ответ является очевидным и безальтернативным: необходимо вернуть в российскую политику «подлинный принцип консерватизма», близкий в понимании мыслителя по своей трактовке к тем принципам «здорового» консерватизма, которые отстаивал в своих работах еще Ж. де Местр, полагавший необходимым апеллировать в политике к так называемому «национальному разуму» для того,

чтобы сохранять и поддерживать в политическом сообществе порядок и стабильность [23, p.375]. Согласно Тютчеву, суть этого «подлинного» консерватизма состояла не столько в том, чтобы любыми средствами отстоять сложившийся status quo, а в том, чтобы российская политическая практика при всем своем динамизме сохраняла нерушимую связь с историческим прошлым народа, его национальными традициями, находя в них опору для своих дальнейших шагов. Так, в одной из своих статей он, уподобляя Россию, ее историческую и политическую судьбу кораблю, севшему на мель, утверждал, что «только одна приливная волна народной жизни способна снять его с мели и пустить вплавь» [24, с.101]. «Национальность в политике, законность в правительстве» — вот принцип, которым Тютчев предлагает руководствоваться в своей деятельности российскому правительству, полагая, что только это могло бы помочь правящему режиму внутренне «переродиться» и избежать социально-политических потрясений, обеспечив правильное направление дальнейшего исторического развития России [25, с. 355].

Таким образом, посредством сравнительного анализа политико-философских концепций революции, разработанных Ж. де Местром и Ф.И. Тютчевым, можно выявить множество точек соприкосновения во взглядах этих мыслителей, разделенных временными и географическими рамками. Оба эти мыслителя — и Ж. де Местр, и Ф.И. Тютчев, — принадлежавшие к разным национальным традициям, сделали на основании своих политико-философских построений прогностические выводы о революционном будущем России, впоследствии нашедшие свое историческое подтверждение в начале XX столетия. Для решения этих проблем они предпринимали попытку разработать систему превентивных мер, фундамент которой составляли принципы «здорового» консерватизма. Существует определенного рода преемственность традиций политической философии Ж. де Местра в тютчевском концептуальном оформлении «антиреволюционного» дискурса: «... политические мнения Тютчева опираются на божественное право и находят свой источник у де Местра» [26, p. 113]. Но речь в данном случае может идти о творческой переработке и развитии идей французского мыслителя в политико-философском наследии русского поэта и публициста применительно к новым историческим условиям, прежде всего с учетом интересов и специфики российской государственности.

Литература

1. Полякова Н. В. «Закон Термидора»: традиции и новации // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2014. Вып. 3. С. 98–106.
2. Берлин И. Ж. де Местр и истоки фашизма // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 206–298.
3. Токвиль А. де. Старый порядок и Революция / пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
4. Тютчев Ф. И. Незавершенный трактат «Россия и Запад» // Литературное наследство. М.: Наука, 1988. Т. 97, кн. 1. С. 183–230.
5. Аксаков И. С. Биография Ф. И. Тютчева. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. 327 с.
6. Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев о французских политических событиях 1870–1873 гг. // Литературное наследство. Т. 31–32. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 753–776.
7. Письма Ф. И. Тютчева к шуринам барону Пфедфелю // Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. 22. Пг.: Типография Главного Управления Уделов, 1917. С. 264–279.
8. Тютчев Ф. И. Россия и Революция // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 53–62.

9. Местр Ж. де. О порождении политических конституций // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 141–147.
10. Тютчев Ф. И. Римский вопрос // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 63–77.
11. Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене, урожденной баронессе Пфедфель (1854–1858) // Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. 19. Пг.: Типография Главного Управления Уделов, 1915. С. 104–276.
12. Мамвеев П. А. Ж. де Местр и его политическая доктрина // Русский вестник. 1889. Т. 202, № 5. С. 217–238.
13. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française: (1839–1856). Paris: Fayard, 1967. 643 p.
14. Maistre J. de. Quatre chapitres sur la Russie [1814] // Maistre J. de. Oeuvres complètes. Vol. 1–14. Lyon: Éd Vitte, 1884–1886. Vol. 8. P. 325–354.
15. Тютчев Ф. И. Письмо А. И. Георгиевскому, 2 (14) января 1865 г. // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 278–281.
16. Пигарев К. В. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. Т. 19–21. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. С. 177–256.
17. Местр Ж. де. Письмо кавалеру до Росси, 9 (21) марта 1807 // Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817 / сост., пер. и предисл. Д. В. Соловьева. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. С. 78.
18. Тютчев Ф. И. Письмо А. Ф. Аксаковой, 20 февраля 1868 г. // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 355–356.
19. Тютчев Ф. И. Письмо Е. Э. Трубецкой, 3 мая 1867 г. // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 324–325.
20. Тютчев Ф. И. Письмо А. Д. Блудовой, 28 сентября 1857 г. // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 259–260.
21. Тютчев Ф. И. Письмо А. Ф. Аксаковой, 4 января 1872 г. // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 405–406.
22. Тютчев Ф. И. Письмо А. Ф. Аксаковой, 17 июля 1871 г. // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 397–398.
23. Maistre J. de. Etude sur la Souveraineté // Maistre J. de. Oeuvres complètes. Vol. 1–14. Lyon: Éd Vitte, 1884–1886. Vol. 1. P. 309–534.
24. Тютчев Ф. И. Письмо о цензуре в России // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 97–104.
25. Тютчев Ф. И. Письмо И. С. Аксакову, 17 февраля 1868 г. // Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 354–355.
26. Stremmoukhoff D. La poésie et l'idéologie de Tiouttchev (Thèse) [texte imprimé]. Strasbourg: Faculté des Lettres et Sciences Humaines, 1937. 181 p.

Для цитирования: Полякова Н. В. Политико-философская концепция революции: Ж. де Местр и Ф. И. Тютчев // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 226–236. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.303>

References

1. Poliakova N. V. «Zakon Termidora»: traditsii i novatsii [«The law of Thermidor»: traditions and innovations]. *Vestnik Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, 2014, no. 3, pp. 98–106. (In Russian)
2. Berlin I. Zh. de Mestri i istoki fashizma [J. de Maistre and origins of fascism]. *Filosofiya svobody. Evropa*. [The Philosophy of freedom. Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001, pp. 206–298. (In Russian)
3. Tokvil A. de. *Staryi poriadok i revoliutsiia* [The old regime and the revolution]. Transl. from French by L. N. Efimov. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2008. 248 p. (In Russian)

4. Tiutchev F.I. Nezavershennyi traktat «Rossiia i Zapad» [An unfinished treatise «Russia and the West»]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1988, vol. 97, book 1, pp. 183–230. (In Russian)
5. Aksakov I.S. *Biografiia F.I. Tiutcheva* [Biography of F.I. Tyutchev]. Moscow, Tipografiia M. G. Volchaninova, 1886. 327 p. (In Russian)
6. Pigarev K.V. F.I. Tiutchev o frantsuzskikh politicheskikh sobytiakh 1870–1873 gg. [F.I. Tyutchev about the French political events of 1870–1873]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 31–32. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1937, pp. 753–776. (In Russian)
7. Pis'ma F.I. Tiutcheva k shurinu baronu Pfeffeliu [Letters of F.I. Tyutchev to Baron Pfeffel]. *Starina i novizna. Istoricheskii sbornik* [The old and the new. Historical collection]. Book 22. Petrograd, Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov, 1917, pp. 264–279. (In Russian)
8. Tiutchev F.I. Rossiia i Revoliutsiia [Russia and the Revolution]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Compiler, introductory article, translations and comments by B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 53–62. (In Russian)
9. Mestr Zh. de. O porozhdenii politicheskikh konstitutsii [On the origin of political constitutions]. *POLIS. Politicheskie issledovaniia*, 1997, no. 2, pp. 141–147. (In Russian)
10. Tiutchev F.I. Rimskii vopros [The Roman question]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Compiler, introductory article, translations and comments by B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 63–77. (In Russian)
11. Pis'ma F.I. Tiutcheva k ego vtoroi zhene, urozhdennoi baronesse Pfeffel (1854–1858) [Letters of F.I. Tyutchev to his second wife, nee Baroness Pfeffel (1854–1858)]. *Starina i novizna. Istoricheskii sbornik* [The old and the new. Historical collection]. Book 19. Petrograd, Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov, 1915, pp. 104–276. (In Russian)
12. Matveev P.A. Zh. de Mestr i ego politicheskaiia doktrina [J. de Maistre and his political doctrine]. *Russkii vestnik* [Russian bulletin], 1889, vol. 202, no. 5, pp. 217–238. (In Russian)
13. Cadot M. *La Russie dans la vie intellectuelle française: (1839–1856)* [Russia in the intellectual life French: (1839–1856)]. Paris, Fayard Publ., 1967. 643 p.
14. Maistre J. de. Quatre chapitres sur la Russie [1814] [Four chapters on Russia]. Maistre J. de. *Oeuvres complètes* [The complete works]. Vol. 1–14. Lyon, Éd Vitte, 1884–1886, vol. 8, pp. 325–354.
15. Tiutchev F.I. Pis'mo A.I. Georgievskomu, 2 (14) ianvaria 1865 g. [Letter to A.I. Georgievsky, 2 (14) January 1865]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Comp., preface, trans. and comm. by B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 278–281. (In Russian)
16. Pigarev K.V. Tiutchev i problemy vneshnei politiki tsarskoi Rossii [Tyutchev and problems of foreign policy of tsarist Russia]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 19–21. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1935, pp. 177–256. (In Russian)
17. Maistre J. de. Pis'mo kavaleru do Rossi, 9 (21) marta 1807 [A letter to the Chevalier Rossi, 9 (21) March 1807]. *Peterburgskie pisma 1803–1817* [The St. Petersburg letters 1803–1817]. Compilation, transl., preface by D. V. Solov'ev. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1995, p. 78. (In Russian)
18. Tiutchev F.I. Pis'mo A. F. Aksakovo, 20 fevralia 1868 g. [Letter to A. F. Aksakovoy, 20 February 1868]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Comp., preface, trans. and comm. by B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 355–356. (In Russian)
19. Tiutchev F.I. Pis'mo E. E. Trubetskoi, 3 maia 1867 g. [Letter to E. E. Troubetzkoy, 3 may 1867]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Comp., preface, trans. and comm. by B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 324–325. (In Russian)
20. Tiutchev F.I. Pis'mo A. D. Bludovoi, 28 sentiabria 1857 g. [Letter to A. D. Bludovoy, 28 September 1857]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Comp., preface, trans. and comm. by B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 259–260. (In Russian)
21. Tiutchev F.I. Pis'mo A. F. Aksakovo, 4 ianvaria 1872 g. [Letter to A. F. Aksakovoy, 4 January 1872]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Comp., preface, trans. and comm. by B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 405–406. (In Russian)
22. Tiutchev F.I. Pis'mo A. F. Aksakovo, 17 iulia 1871 g. [Letter to A. F. Aksakovoy, 4 July 1872]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Comp., preface, trans. and comm. B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 397–398. (In Russian)
23. Maistre J. de. Etude sur la Souveraineté [Study on the Sovereignty]. Maistre J. de. *Oeuvres complètes* [The complete works]. Vol. 1–14. Lyon, Éd Vitte, 1884–1886, vol. 1, pp. 309–534. (In French)
24. Tiutchev F.I. Pis'mo o tsenzure v Rossii [Letter about the censorship in Russia]. Tiutchev F.I. *Rossiia i Zapad* [Russia and the West]. Comp., preface, trans. and comm. by B.N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 97–104. (In Russian)

25. Tiutchev F. I. Pis'mo I. S. Aksakovu, 17 fevralia 1868 g. [The letters to I. S. Aksakov, 17 February 1868]. Tiutchev F. I. *Rossiiia i Zapad* [*Russia and the West*]. Comp., preface, trans. and comm. by. B. N. Tarasov. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia; Respublika Publ., 2007, pp. 354–355. (In Russian)

26. Stremookhoff D. *La poésie et l'idéologie de Tiouttchev* [*The poetry and the ideology of Tyutchev*] (Thèse). Strasbourg, Faculté des Lettres et Sciences Humaines, 1937. 181 p.

For citation: Poliakova N. V. A political-philosophical conceptualisation of Revolution: J. de Maistre and F. I. Tyutchev. *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, 2017, vol. 10, issue 3, pp. 226–236. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.303>

Статья поступила в редакцию 20 мая 2017 г.

Статья рекомендована в печать 20 июня 2017 г.